

В. М. Генкин (Витебск)

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ОЙКОНИМИИ:
ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Одной из главных задач современной дериватологии по-прежнему остается разграничение явлений синхронии и диахронии в различных словах, группах и классах слов. К числу наиболее проблемных в этом плане относятся имена собственные, в частности ойконимы – названия населенных пунктов. Современные академические грамматики и учебные пособия, как правило, не предлагают описания словообразовательной структуры ойконимов, хотя нередко дают характеристику оттопонимных дериватов. Словообразовательные и морфемные словари либо вовсе не включают онимический материал в реестр словников, либо отражают словообразовательные гнезда, главным словом которых выступает сам топоним (немногочисленные примеры таких гнезд находим в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова: *Москва* → *москвич*, *москвичка*; → *москвитянин*, *москвитянка*, → *московит*, → *московский*, *по-московски* и т. д.) [1, с. 578]. Такое «умолчание» заставляет думать о целесообразности отнесения образования названий населенных пунктов исключительно к явлениям диахронии и с позиций синхронии рассматривать ойконимы исключительно как производные слова. Однако есть основания полагать, что столь категоричский вывод является преждевременным.

Словообразовательная система языка универсальна, и потому ее законы, естественно, действуют во всех группах лексики, в том числе и в ойконимии. Ойконимы, как известно, образуются с использованием способов, моделей, а нередко и словообразовательных средств, заимствованных из сферы апеллятивной лексики. Более того, многие топонимы сформировались первоначально как апеллятивные названия территорий или объектов, а уже затем прошли этап онимизации: *залесье* → *Залесье*, *лесные озера* → *Лесные Озера*, *островок* → *Островок* и т. д. В ряде случаев сам факт установления способа образования географического названия дает возможность классифицировать ойконим как исторический дериват. Это касается, например, названий, образованных лексико-семантическим способом, который сам по себе характеризуется как диахронический:

Двор, Бор, Слобода, Слободка, Погост, Глубокое, Долгое и т. п. Если же присущие ойконимии словообразовательные способы и модели сохраняют продуктивность в современном языке, то, вероятно, нельзя полностью отвергать возможность включения ойконима в синхронную словообразовательную систему, что мы и попытаемся далее доказать.

Разграничивая синхронию и диахронию, современная дериватология, как известно, учитывает в первую очередь наличие или отсутствие живых (реальных, видимых) словообразовательных связей между словами. Нетрудно заметить, что географические названия в этом отношении представляют собой неоднородный класс слов, и, соответственно, можно выделить как минимум три типа ойконимов. В первый войдут ойконимы с абсолютно непрозрачной структурой, не дающие возможности определить мотивирующее слово и потому воспринимаемые нами как однозначно непроеизводные: *Москва, Минск, Брянск, Смоленск, Гомель*. Топонимические форманты в них или отсутствуют (*Москва, Гомель*), или (как, например, суффикс *-ск* в названиях типа *Брянск, Смоленск*) не несут в себе достаточной словообразовательной информации и потому не могут рассматриваться как современные словообразовательные средства. Только наличие специальных исторических знаний позволяет правильно этимологизировать такие ойконимы, в силу чего географические названия «обрастают» всевозможными легендами своего появления. «В именах собственных, – пишет А. В. Суперанская, – много непонятного с точки зрения современного языка, в связи с чем они являются богатым источником народной этимологии» [2, с. 12]. Показателен и еще один факт, ярко характеризующий ойконимы первого типа: среди них нередко встречаются лексемы с неоднозначной, спорной этимологией.

Вторую группу составят географические названия, в которых при системном рассмотрении легко обнаруживаются словообразовательные аффиксы, но мотивирующая основа либо не является элементом современной деривации, либо вовсе рассматривается как историзм, что, скажем, хорошо просматривается на примере этнотопонимов: *лях – Ляховка, Ляховичи, Ляховщина; мазур – Мазурино, Мазурово, Мазурка; немец – Немцево, татары – Татарские, Татарск* и т. д. Очевидно, что связь между названием лиц по нацио-

нальности и названиями соответствующих населенных пунктов является предметом в первую очередь этимологического анализа. Кроме того, этнические названия, лежащие в основе ойконимов, могли иметь на момент появления населенного пункта значения, существенно отличающиеся от их современной семантики. Так, А. Ф. Рогалев, описывая этнотопонирию Беларуси, отмечает, что «многие восточные народы объединялись недифференцированным именем *татары*; в условиях Беларуси, в частности, этноним *немец* означал не только немцев, но и голландцев, датчан и других западноевропейских народов» [3, с. 21].

Таким образом, первые два типа ойконимов можно однозначно считать явлениями диахронического плана, чего нельзя сказать о третьей группе названий населенных пунктов. В нее входят ойконимы, чья словообразовательная прозрачность позволяет «увязать» название с другими лексемами современного языка (причем как с апеллятивами, так и с именами собственными). Прозрачность обеспечивается благодаря наличию активных с точки зрения современной деривации аффиксов и осознаваемой носителями языка, «видимой» основы. Сюда, в частности, можно отнести многие ойконимы префиксально-суффиксального и префиксального образования: *Двуречье*, *Заболотье*, *Заболотинка*, *Заречье*, *Задорожье*, *Приднестровье*, *Межлесье*, *Узречье* и т. п. В качестве осознаваемого словообразовательного центра для группы ойконимов может выступать название крупного водного объекта: р. *Двина* → *Подвинье*, *Привинье*, *Задвинье*, *Верхнедвинск*; р. *Улла* → *Поулье*, оз. *Вечелье* → *Завечелье*, оз. *Язно* → *Подъязно* и т. д.

Среди суффиксальных названий этого типа выделяется группа ойконимов отантропонимического происхождения: *Михаил* → *Михайловка*, *Михайловщина*, *Михайлово*; *Иван* → *Иваново*, *Иваново*, *Ивановщина*, *Иванск*; *Ян* → *Яново*, *Яново*, *Янковщина*, *Янково* и т. п. Важно подчеркнуть относительно позднее (в сравнении с другими типами географических названий) появление ойконимов, мотивированных именами и фамилиями. Последнее обстоятельство явно сближает отантропонимические ойконимы с синхронной словообразовательной системой.

Целесообразно к данному типу относить и многие названия, образованные путем сложения или сложно-аффиксальным способом:

Полоцк → *Новополоцк*, *Лукомль* → *Новолукомль*, *Двина* → *Верхнедвинск*, *каменное поле* → *Каменполье* и т. п.

Отметим еще одну немаловажную особенность названий третьей группы. Нередко именно словообразовательные связи между ойконимами определенной территории являются одним средств системной организации региональной топонимии: *Приднепровье* – *Заднепровье*, *Подвинье* – *Задвинье*, *Полоцк* – *Новополоцк*, *Байкал* – *Забайкал* (последние два примера – названия поселков в Толочинском районе Витебской области).

1. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М., 1985. – Т. 1.

2. *Суперанская, А. В.* Структура имени собственного (фонология, морфология) / А. В. Суперанская. – М., 1969.

3. *Рогалев, А. Ф.* Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А. Ф. Рогалев. – Гомель, 1993.